

НИКОЛАЙ РОМАНОВ

Ванька-индеец

Известно, деревня без прозвищ не живет. И пристаёт эта уличная кличка к человеку на всю жизнь, хоть фамилию меняй. Но вот с Ванькой Пупковым произошёл такой случай. С детских лет звали его Клопом. Ванька Клоп – коротко и ясно. Понятно, что в глаза его звали Иваном, ну а за глаза – просто издевались. Потому что сам он страшно не любил свою кличку. И в отдельные моменты ярился до крайности.

Зная это, ольховские мужики и бабы часто прибегали прямо-таки к недозволенным приемам. К примеру, ходит по Ольховке покупатель со стороны, ищет телочку на племя. А ему говорят:

- У Ваньки Клопа есть хорошая телка.
- А где это?
- Вон шатровый дом с зелеными воротами.

И стучится к нему покупатель:

- Иван Клоп здесь проживает?

И если нарывается на самого Клопа, то становится участником ужасной драмы. Ванька сатанеет в одну секунду, визжит, как недорезанная хрюшка, и мечется по двору в поисках подходящего дыра, которым можно было бы сокрушить обидчика. Покупатель чешет по улице без оглядки, а деревня потешается.

И вот случилось невероятное. Иван сменил свое прозвище. У всей Ольховки как будто память отшибло: напрочь забыт Клоп, стал Иван Пупков Индийцем.

Надо сказать, Ольховка испокон веку славится картошкой. Завершается картофельная кампания, выезжают трактористы зябить последний клин. Два-три агрегата пашут, а вся бригада следом за ними, как грачи на весеннем поле, собирает картошку, которую лемешком так и выворачивает наверх. Пускают мужики вдоль борозды «Беларусь» с тележкой и за каких-то 2-3 часа собирают три тонны отборного картофеля и сдают его в потребкооперацию. Навар получается солидный. И тогда закупает тракторная бригада несколько ящиков водки, не скупится на закуску и всем составом отправляется на дальний полевой стан, чтоб никто не беспокоил.

И вот как-то Ванька Пупков, то бишь Клоп, дорвавшись до дармовщины, явно перебрал. Стоя на коленях, он воздел руки к потолку, под которым тускло светила запыленная лампочка, и воскликнул:

– Братцы, поглядите, какие звезды, небо-то, ну прямо, как в Индии. Давайте выпьем за Индию. Хинди – русси, бхай, бхай!

Эту фразу он, видимо, запомнил с тех пор, когда еще Хрущев ездил в Индию. Очередной тост – и все за Индию.

- Да заткнись ты со своей Индией! – тормознул его Петька Кардан.

– Ах, ты не хочешь выпить за мир между народами? – И с кулаками на Петьку. Пришлось Ваньку связать и отправить под лавку. Оттуда он долго еще провозглашал «Хинди – русси, бхай, бхай!», а потом стал натурально плакать:

– Меня запичкали под скамейку, а сами лопают, налейте хоть сто граммов.

– А ты попроси у Раджа Капура, он тебе, может быть, и черпак плеснет, – потешались над Ванькой мужики.

Когда он захрапел, его развязали, чтоб руки не затекли. А утром он проснулся настоящим Индийцем. И до сих пор живет в глубинной русской деревне Иван Пупков с необычным прозвищем. Многие вновь приезжающие по поводу этой необычности недоумевают: откуда Индиец? А все оттуда же...

Домовой

Самая старая с нашего порядка бабка Агафья (лет под девяносто!) обладала прекрасной памятью, была заядлой говоруньей, хохотала до слез. Вокруг нее собирались другие старухи. Устраивались они на скамейке у ворот Анисимовых. Бывало, спросят у Агафьиного старика Еремея, где, мол, у тебя супруга-то, а он легонько отмахнется, говоря: «Да, чай, опять ушла заседать в комитет». Про комитет он упоминал, видимо, по образу и подобию известных комбедов 20-х годов.

Была у Агафьи одна особенность, которой в деревне не имел никто: почти после каждого слова она приговаривала «хышь». «Хышь, это помните», — начинала Агафья, и тут уж не зевай, слушай, раскрыв рот, потому что, несмотря на свои годы, любила стараясь вспоминать истории на очень и очень вольные темы. А посему заседать в ее комитет по теплым летним вечерам приходила вся Ольховка. И все объяснимо. Скажем, откуда тебе знать, что было в селе и 60 и 70 лет назад, если ты родился в пору, когда у Агафьи уже праправнуки пошли.

«Хышь, давно это было, – старуха внимательно оглядывала всех своих слушателей и заключала: – хышь, нет среди вас никого, кто бы жил в то вре-мя. Ну, да ладно. Крепкие наши парни, хышь, женились тоже на девках лад-ных, а вот эти ладные девки, то бишь бабы, хышь, любили уж таких замух-рышек, что только плюнуть да растереть! Но, видать, было за что любить!.. – И Агафья заливалась звонким смехом. – И вот, хышь, обожала одна молодей-ка такого огурца-молодца без памяти. Женихались они, когда законный муж отлучался в ночное, а то, хышь, и подальше. Откушать любовного пирога за-бирались на подловку, чтобы, стало быть, на улице их никто не узрил, хышь. И вот такой случай, хышь. Слышат они на подловке-то, что на двор хозяин заявился, которого, хышь, известно, не ждали. Молодица юрк по лесенке вниз, обнимать да целовать суженого, а тот там, на подловке-то, ухажер ни жив, ни мертв, душа в пятки ушла. Не ведает бедолага, что внизу-то все лад-ком, ищет места, хышь, чтоб схорониться понадежней. Баба мужу уж щей наливает, а этот в трясучке под боров лезет».

(Боюсь, что сегодня не все знают, что такое подловка и боров. Лучше всего обратиться к словарю В.И. Даля. Так вот, подловка – это искаженное – подволока, чердак, а боров – это дымволок, лежащая дымовая труба, проводная).

Бабка Агафья продолжала: «А боров давным-давно, хышь, весь прогорел, хозяин собирался новый сотворить, да недосуг было. Вот этот боров, потревоженный ухажером, возьми да развалился, а следом за ним, хышь, и прямая труба от самой крыши рухнула. Чудеса твои, Господи! Тишина стояла, хоть за версту комара слушай, а тут, хышь, такой гром прогремел, что волосы ды-бом. Ладно, матица крепкая была, а то бы, хышь, каюк, но потолочину одну проломил, хышь, и из дыры-то, из дыры-то – сажа, кирпичи, светопрестав-ление, хышь, да и

только. У нас в деревне, хышь, ничего не скроешь. Говори-ли мужику, что его красавица, хышь, путается с удальцом. Не верил. В этот раз, хышь, осенило его, что кто-то там наверху сверзил трубу, и кинулся, бы-ло, из избы. Бабенка тут и почуяла, что сейчас ей будет секир-башка, повисла у мужа на ногах – и причитать: «Ваня, милый, не ходи, хышь, домовой это там, нельзя его трогать, хышь, житья не будет, или сгорим дотла!» Пока этот Ванька, хышь, отцеплялся от ревущей бабы, разрушитель-то спрыгнул с под-ловки, да и был таков. Но с тех пор его и стали звать Домовым».

Бабка Агафья оглядывала слушателей, а так как память у нее была отменная, то быстро соображала, что были среди них дальние родственники того Домового, и заключала: «Вот сейчас будете пытаться, хышь, а чьего рода-племени ухажер-то был? А шут его знает, позабыла, хышь».

АНДРЕЙ ПЕРЕПЕЛЯТНИКОВ

Земляки

Рассказ-быль

Родился я и жил до окончания средней школы в небольшом городке, столице Калмыкии Элиста, что стоит среди бескрайних степей Прикаспия. После окончания военного училища очень много пришлось попутешествовать по бескрайним просторам тогдашнего СССР. Но вот в начале восьмидесятых был переведен начальником отдела политработы Управления войск на берега могучей Волги.

Рядом со штабом Управления дислоцировался один из подчинённых нам полков. Недели через две после вступления в новую должность собрался я куда-то ехать по своим делам. Вызвав служебную машину, прохаживался в её ожидании у КПП полка. В сторонке за территорией полка я заметил человек пять солдат калмыков, окруживших молоденькую девушку нашу с ними землячку. Ребята весело разговаривали кто на русском, кто на калмыцком языке, шутили, смеялись. Из обрывков доносившихся фраз я понял, что девушка приехала проведать служившего у нас своего младшего брата. Но вот, проходя мимо весёлой компании я неожиданно услышал, как кто-то из солдат приглушенно заговорил на калмыцком, а все остальные умолкли и в знак согласия закивали головами. Моего запаса знания калмыцких слов хватило, чтобы понять, о чём пошла речь. В речи солдата я расслышал слова: «Мельгун, ашать, рака...» Мельгун по-русски деньги. Рака – спиртное. Ашать – кушать, пить. Услыхав эти слова, я расстроился, а подойдя к землякам, сказал: «Рака ашать?» Через секунду мои земляки бросились в приоткрытые ворота воинской части и скрылись из виду. А девушка, держа в руках небольшую холщёвую сумку, засеменила через дорогу в улочку частного сектора, поминутно с опаской оглядываясь на меня. Скрипнул тормозами подъехавший мой изрядно потрёпанный уазик и я уехал по своим делам, попросив командира комендантского отделения полка, присмотреть за шмыгнувшими в часть ребятами, чтобы они чего-нибудь не сотворили. Недели через две зашел я в полковую столовую соседнего же полка проверить, как выполняется изданный по моему предложению приказ о совершенствовании организации приёма пищи личным составом в солдатских столовых частях. Суть вводимого новшества заключалась в том, чтобы командиры отделений за столами садились скраю от прохода, а первые и вторые блюда раскладывал в миски солдат отделения воин, который сидит напротив командира отделения. В случае

нечестного раздела пищи командир отделения в этом случае не заявит, что ни чего не видел и ни чего не знает. Весь спрос будет именно с него. Проходя вдоль солдатских столов, за одним из них я и увидел младшего сержанта моего земляка, беседовавшего с друзьями у КПП полка с девушкой. Сержант, ловко орудуя ложкой, быстро доедал суп. Я медленно подошел к нему, наклонился к самому его уху и тихонько сказал: «Махан уга (Мяса нет?)»? – и пошел дальше. Парень нервно бросил на стол ложку, встал, вышел из-за стола, подошел ко мне и попросил разрешения обратиться.— Обращайтесь, — ответил я.

— Таварищ патпальковник, скажи, аткуда ты нашенский язык знаешь? – спросил коренастый крепыш.

— Ты откуда призывался? – вопросом на вопрос ответил я.

— Кальмикия. Элиста, — ответил земляк.

— А где живёшь в Элисте? — продолжил я расспрашивать.

— На улица Красная.

— От моста через Элистинку далеко?

— Третий дом справа.— А я на Ленина 176, это метров сто пятьдесят от вашего моста.

— Ясна. Разрешите идти? – просиявши, сказал сержант.

-Сян ашать (Хорошо кушать, приятно кушать) – сказал я ему и пошел дальше.

В отчётах командования полка ни один мой земляк не значился в списках лиц, допустивших грубые нарушения воинской дисциплины, до самого окончания ими службы. А служило их у нас всего-то десять человек.

ЧЕРТ

Рассказ

На тихой деревенской улочке соседствуют: одинокий пенсионер Николаич, Преклонных лет, сгорбленная, тщедушная старушонка Андреевна, а промеж их дворов немалого росту средних лет мужик Юра.

У Николаича из домашней живности водится здоровенный рыжий пёс Пыж, да крохотных размеров, лохматая, вся в белых и чёрных пятнах кошка. На её мордочке красуется белое пятно, похожее на кляксу в тетрадке двоечника, потому и наречена она Кляксой. Родилась Клякса на чердаке дома своего хозяина. Пока Клякса была маленькой, мать кормила её своим молочком, а вот когда подросла, мамаша на чердак наведываться перестала и чтобы не помереть с голоду, Клякса стала добывать себе пищу самостоятельно. Ловила на чердаке мышей и воробышек. Когда и этого провианта на чердаке не стало, она спустилась на землю и продолжила охотничать в саду и на кучах перегноя и пищевых отходов у себя и соседей, где много мышей и промышляют провиантом воробышки. Выйдешь ночью в огород и видишь две горящие точки в дальнем углу огорода. Это Клякса сидит в засаде, выслеживая добычу.

Завелась в доме у соседа Юры мышка. Звал он звал Кляксу в свой дом, но та к жизни в доме не привыкла, и интереса к охоте у соседа в доме не проявила. Тогда купил Юра в магазине специального клея, взял небольшой обрывок обоев, клеем очертил на нём круг, положил в центр приманку для мышки. Ловушку положил в кухне под стол.

Приезжает он дня через два на свою дачку и видит, что в его ловушке на клею сидит крепко приклеенная мышка. На улице быстро темнело. В спешке Юра

вынес ловушку с пойманной мышкой на улицу и выбросил у входа в баню. Рядом за забором в это самое время заканчивала работу на своих аккуратных грядках Андреевна. Юра поздоровался с приветливой соседкой и поспешил разгрузить и запираться на ночь машину.

Запер Юра машину, посидел под домом на лавочке, потягивая сигарету, и направился в дом. Когда он вышел из-за угла дома, увидел вращающийся с шумом клубок. С трудом в сгущавшихся сумерках рассмотрел он, что это Клякса, позарившаяся на лёгкую добычу, приклеилась к листу обоев и ни как не может освободиться. Бросился он на помощь бедной кошке, но та, изловчившись с шумом нырнула в дыру забора в огород Андреевны. Оказавшись по другую сторону забора Клякса продолжила борьбу с клеем, энергично пытаясь освободиться.

Вращающийся с шумом клубок со сверкающими страшными глазами увидела Андреевна. Не долго думая, старушка бросила мотыгу и рванула в избу, да так, что в скорости её бега с препятствиями позавидовал бы любой олимпийский чемпион по бегу на короткие дистанции с препятствиями. Увидав перепуганную старушку, быстро ретировался в свой дом и Юра. Он испугался, что перепуганная Андреевна может в темноте споткнуться и рассыпаться, а ему за всё это, как бы не пришлось ещё и отвечать. Но преклонных лет спринтерша все препятствия и расстояние в темноте преодолела благополучно. Влетевши в сени, с шумом захлопнула и заперла на засов дверь.

Минут через двадцать любопытство старушки взяло верх и Юра услышал лёгкий скрип её двери. Осторожно выглянув из-за угла бани, он увидел приоткрытую дверь дома Андреевны, а из темноты сеней сверкнули стёклами её очки.

Утром следующего дня, как только Юра появился на крылечке своего дома, у забора появилась Андреевна и крестясь, стала рассказывать ему о вчерашнем посещении её огорода самим чёртом. Юра, едва сдерживая смех, «очень» внимательно слушал старушку, разглядывая обрывки обоев на аккуратных грядках Андреевны...